

Юрий КлычниковDOI: <https://doi.org/10.31648/apr.4881>

Пятигорский государственный университет

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

klichnikov@mail.ru

Польские пленники северокавказских горцев в первой половине XIX века

В силу самых разных обстоятельств на Северном Кавказе в первой половине XIX века стали появляться выходцы из Польши, в судьбах которых отразились непростые перипетии этого динамичного и наполненного драматическими событиями периода истории. Сам регион считался одним из наиболее проблемных в Российской империи. Проживавшие здесь горские общества, не желая менять привычный образ жизни, крайне болезненно воспринимали те изменения, которые несла им царская власть. Камнем преткновения стала набеговая практика, распространённая в регионе. Захват добычи имел не только экономическую, но и социокультурную мотивацию. Занимаясь грабежами, горцы могли поправить материальное положение и укрепить свой статус среди соплеменников. Каждый юноша, пройдя «школу набега», приобретал необходимые воину качества, мог претендовать на право участвовать в общественной жизни и создать собственную семью и т.д. [Ван-Гален 2002, 352; Карпов 1996, 276–283].

Смириться с подобной практикой империя не могла и прилагала серьёзные усилия для того, чтобы пресечь нападения на своих подданных. С этой целью на горцев пытались влиять с помощью самых разных инструментов, включающих экономические и просветительские шаги. Но самым распространённым методом в сложившихся обстоятельствах, естественно, стали военные акции или, как писали в документах того времени, *репрессалии*, с которыми власти обрушились на участников набегов [Клычников, Цыбульникова 2011, 10–37]. Это предопределило причудливые формы взаимодействий, сложившихся в отношениях между русской властью и горцами. Ситуация «мира-войны» была характерна для фронта, являвшегося территорией неопределённости с присущими такому месту рисками, в том числе опасностью попасть в плен и стать бесправным рабом [Баррет 2000, 163–194]. В этом на собственном горьком опыте пришлось убедиться и некоторым

полякам, сосланным на Кавказ и здесь попавшим в руки к «немирным» (так называли местных жителей, которые не подчинялись российским законам и вели войну против империи) горцам.

Некоторые из них, обретя свободу и вернувшись к родному очагу, впоследствии оставили воспоминания о данных фактах своей биографии [Kalinowski 1883]. Но такое случалось далеко не всегда. Между тем, благодаря сохранившимся в архивах Российской Федерации сведениям, мы можем получить более развёрнутую картину происходивших в те времена событий и расширить наше представление о польских пленниках кавказских горцев.

Среди тех, кто оказался на южной окраине России, был некий Овцентий Зимбровский (Вицентий Жембровский). В составе войск Наполеона Бонапарта он участвовал во вторжении в Россию в 1812 году, был пленён и отправлен служить на Кавказ, теперь уже в составе русской армии. Со своими товарищами он привлекался к различным строительным работам и в 1814 году оказался в руках подкарауливших его горских «набежчиков» (такой термин встречается в официальных документах наряду с наименованием «хищники»). Вместе с ним к горцам попал ещё один его соотечественник. Благодаря счастливому стечению обстоятельств Овцентий (Вицентий) смог бежать из неволи через два года. Что касается судьбы другого поляка, то она так и осталась неизвестной [ГАСК. Ф. 63. Оп 5. Д. 595. Л. 4–4 об.].

Не менее драматична история жителя Варшавы Андрея Ласюка. Будучи дворовым человеком помещика Петра Петровича Чапского, по воле своего хозяина оказался в рядах французской армии. В то время ему было всего двенадцать лет, что, однако, не помешало задействовать мальчика в боевых действиях. Под Смоленском отряд, в котором служил Андрей, был разбит, и его вместе с другими пленными отправили в Кизляр. Здесь он заболел и около месяца пробыл в лазарете. За это время команда, к которой был приписан А. Ласюк, была отправлена на родину, а сам он остался без необходимых средств к существованию. Испытывавшая постоянный дефицит казна не могла обеспечить бывших солдат армии Наполеона всем необходимым, а потому им предлагалось самим заработать нужные средства. Местным промышленникам постоянно не хватало рабочих рук, и юный поляк устроился с целью заработка к купцу Качкасову. Но через неделю его слуги продали мальчика горцам, и те тайно вывезли его в аул Казанищи, где он прожил пять лет, так и не сумев сбежать от своих новых владельцев. А. Ласюка перепродавали от одного хозяина к другому, увозя всё дальше в горы. В конечном итоге, в феврале 1822 г., очередной владелец передал юношу русскому командованию, и тот приобрёл долгожданную свободу [ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 3–5].

В июле 1816 года в районе станицы Калиновской к русским вышло сразу трое беглецов – Лука Соколовский, Афанасий Портницкий и Николай Янов. Первые двое оказались бывшими польскими военнопленными, в силу разных обстоятельств попавшими в руки «хищников». Лука Соколовский был человеком преклонного возраста и за свои 60 лет успел послужить и в армии Костюшко, и в рядах войск князя Понятовского. Во время вторжения французских войск на территорию России он был ранен в сражении под Можайском и оказался в руках русских. После удачного лечения его отправили в Грузию, но по дороге он бежал к лезгинам и стал их рабом. По признанию самого Л. Соколовского «во время его пребывания там 8 лет его продавали с рук на руки» [ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 324. Л. 4 об.]. Вместе со своим земляком Афанасием Портницким ему удалось бежать из неволи, после чего они пожелали остаться жить в Кизляре, приписавшись к мещанскому сословию. В отличие от Л. Соколовского, его товарищ по несчастью оказался в горах не по своей воле, а был похищен в 50 верстах от Тифлиса, когда направлялся туда вместе с партией других военнопленных [ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 324. Л. 4 об–5]. Лукаш Соколовский вскоре умер, а Портницкий продолжал жить в Кизляре, занимаясь там преимущественно рыбной ловлей.

Ещё одним поляком, вышедшим из горского плена, был сын варшавского мещанина Франциска Качевича – Ян Качевич. Он поступил на военную службу и в составе 1-го пехотного полка «под командою шефа Бернардского» оказался в плену у русских после неудачного для его отряда сражения под Борисовым. Его вместе с товарищами отправили на Кавказскую линию, и здесь он с неким Антоном Левичем попал в новый плен, теперь уже к горцам. Лишь в 1825 году, пробыв в неволе около двенадцати лет, он получил свободу, возможно, был передан в руки российского командования «мирным», т.е. лояльным горцем. После того как личность Яна Качевича была установлена, ему позволили вернуться к семье. Наряду с ним упоминается имя Якуба Томажевского, получившего свободу поляка, но, к сожалению, подробности его биографии не известны [ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 1–1 об., 4–4 об., 25].

Далеко не для всех поляков пребывание в горском плену заканчивалось благополучно. Многие из них, лишившись здоровья, даже после обретения свободы уже не могли оправиться от последствий невзгод и вскоре умирали. Такая судьба ждала Яна Погиднова, рождённого в «Львовской губернии Пшимиславского уезда селения Егорова» [ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 2]. Отправленный служить в Грузию, он был захвачен за Терек в плен и в течение двенадцати лет жил среди горцев, пока русскому командованию

не удалось обменять его и вывезти в крепость Кавказскую. После того как были проведены обязательные следственные действия, и из Польши пришло подтверждение сведений о происхождении Я. Погиднова, вышло распоряжение отправить его домой. Но бывший пленник так и не дождался этого события, скончавшись весной 1827 года [ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 1–8].

В январе 1823 года освобожден из плена кабардинцев «показывающий себя пленным поляком Иван Станиславов сын Карбовский» [ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 58. Л. 2]. Он попал в плен в ходе сражения под Можайском и был отправлен в город Орёл, где была сформирована партия, следующая на Кавказ. Первым пунктом сбора стал город Георгиевск, откуда команду И. Карбовского переправили в Моздок. Отсюда они последовали в Тифлис, куда добраться поляку было не суждено. Переправившись через Терек, он отстал от своих товарищей и был пленён горцами. Они отвезли его в Осетию, где, поменяв трёх владельцев и совершив побег, И. Карбовский всё же сумел вырваться на волю. После проведённого разбирательства власти, снабдив необходимыми вещами и продовольствием, отправили Карбовского Ивана сына Станислава на родину. Но увидеть близких ему было не суждено. В пути от «долговременной грудной водяной болезни», которая, возможно, была связана с тяжёлыми условиями пребывания в неволе, он скончался [ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 58. Л. 14].

Столь же печальный финал ждал и Мартина Вожаховского, жившего в неволе девять лет и сумевшего бежать в русские пределы весной 1851 года. Он был выходцем из Варшавы, но, видимо, потерял близких за годы своих скитаний. По крайней мере, в материалах дела о них не упоминается. Серьёзно заболев, он оказался в Ставропольском госпитале, но так и не смог восстановиться и ушёл из жизни 4 марта 1851 г. [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2654. Л. 2, 8, 11–11 об.].

По обвинению в антиправительственных выступлениях 1830–1831 годов на Кавказе очутился Казимир Станислав Левандовский. Этот шляхтич из Кракова служил во 2-м Уланском полку под командованием генерала Дембинского, а когда восстание было подавлено, отправился с такими же, как он, поляками защищать южные рубежи Российской империи. Недалеко от города Ставрополя он был захвачен партией «татар» (под чем следует понимать горское население) и оказался в одном из селений племени убыхов. Среди них К. Левандовский прожил восемь лет, но после неудачной попытки бежать в русское укрепление Туапсе был продан абадзахам. Горцы старались привязать к себе таких беспокойных ясырей (рабов) с помощью женитьбы. Подобный метод применили и к Казимиру. В браке у него появилось четверо

детей, что, однако, не помешало поляку осенью 1863 года бежать под защиту русского отряда. Первоначально шляхтич оказался в укреплении Хадыжи, а уже оттуда был направлен в Ставрополь. Обретя долгожданную свободу, он, к сожалению, не смог долго ей наслаждаться. Заболевшего К. Левандовского положили в военный госпиталь, где он умер 13 января 1864 года, так и не сумев справиться с недугом [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336. Л. 6–6 об.].

В отличие от К. Левандовского, другой фигурант описываемых событий не стал бросать обретенную семью, а укрылся под защиту русского оружия вместе с женой и детьми. Так, в ноябре 1842 года в Геленджик бежал поляк Францишек Кобылянский, с которым была его жена-черкешенка и их дочь, после принятия крещения наречённые Марией и Анной. О себе он сообщил, что родился «на австрийской границе», откуда в возрасте восьми лет был вывезен на Кавказ линейными казаками, служившими там. До 1828 года Ф. Кобылянский проживал в одной из станиц на Кубани, пока во время горского набега не оказался ранен и попал в плен. Сменив несколько хозяев, он был оженён одним из них, что не помешало не потерявшему надежду мужчине обрести свободу. Он узнал о наличии поблизости русского укрепления, забрал свою суженую и устроил побег.

Францишек выразил желание поселиться в станице Усть-Лабинской, мотивируя это тем, что там проживали ставшие им близкими люди, их крёстные. Однако общество станицы отказало ему в этой просьбе [ГАСК. Ф. 63. Оп. 22. Д. 477. Л. 1–2 об., 10–10 об., 18–18 об.]. К сожалению, узнать о причине такого решения схода не представляется возможным, как и не ясна дальнейшая судьба этой семьи. Материалы дела дошли до наших дней фрагментарно и не позволяют восстановить все перипетии судьбы Ф. Кобылянского.

Были среди поляков, оказавшихся на Кавказе, и люди, которые лишь выдавали себя за жертву горского насилия. Сохранились сведения о некоем Юзыке (Юзефе) Закревском, понять все перипетии судьбы которого не представляется возможным, т.к. сообщённые им о себе сведения оказывались неточными и лишь вызывали новые вопросы. Началось всё с того, что осенью 1825 года казаками 2-го Астраханского полка он был доставлен в Георгиевск. Ю. Закревский рассказал, что является бывшим солдатом польской армии, который попал в плен после сражения под Слуцком. Отправленный на Кавказ, он бежал по дороге и добрался до Черномории, где стал наниматься на работу к местным жителям. Но, не имея документов, он вынужден был работать за самую малую плату и в конечном итоге решил уехать в Астрахань. Договорившись с торговавшими на Линии чумаками, которые собирались отправиться в нужном ему направлении, он добрался с ними до города

Георгиевска, но там заболел и не смог продолжить свой путь. Его попутчики поспешили избавиться от нежеланной обузы и оставили Ю. Закревского в степи. В течение трёх дней он оставался в одиночестве, а потом, собравшись с силами, принялся искать людей и вышел на казачий пост [ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 79. Л. 5–6].

Данный сюжет, возможно, и не заслуживал бы внимания, если бы первоначально Ю. Закревский не назвал себя Иваном Силадчуком, ясырем, бежавшим от горцев. Это, по всей видимости, должно было послужить смягчающим обстоятельством в глазах кавказской администрации и помочь беглецу легализоваться. Но, очевидно, рассказ не произвёл должного впечатления на власти и, поменяв показания, он и назвался именем Закревского, выходца из города Закрочима Варшавской губернии. Проводившее расследование Кавказское областное правление сделало запрос в Польшу и по истечении некоторого времени получило ответ, в котором сообщалось, что такого человека в указанном месте никогда не было. Не оказалось информации о нём и в формулярных списках армейских частей. В итоге власти приняли решение, поскольку Ю. Закревский «ясно изобличается бродягою», отправить его на поселение в Сибирь [ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 79. Л. 37–37 об.].

Не баловала судьба и Михайла Найдовского, который с детства испытал нужду и невзгоды, а затем оказался в руках «людокрадов» и долгие годы влачил рабское существование. Описывая свои злоключения, он поведал, что родился в городе Кракове, а когда мальчику исполнилось два года, его матери по имени Мария не стало. Сироту приютили нищие, с которыми он, видимо, занимался попрошайничеством до шестнадцати лет.

В 1830 году они отправились в Киев, чтобы поклониться находящимся здесь христианским святыням. Здесь Михайло познакомился с офицером, который служил на Кавказе и предложил юноше пойти к нему в услужение. Звали его Фёдором Васильевичем, а фамилии этого человека беглец вспомнить не смог. Он убеждал М. Найдовского: «ты парень молодой и стыдно тебе ходить с нищими испрашивать милостыню, а иди лучше ко мне жить. Я тебе дам хорошее платье и буду тебя кормить и платить деньги за услуги твои, на что я согласился, бросил нищих и перешёл к нему на квартиру, где он на меня вытребовал паспорт» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2216. Л. 15–15 об.].

Казалось, что теперь у краковянина начнётся новая, достойная жизнь, но то, что ждало его впереди, было куда большим испытанием даже по сравнению с прошлыми несчастьями. Добравшись до Владикавказа, он остановился со своим работодателем на квартире. Фёдор Васильевич отправился гулять по крепости, а Михайло остался дожидаться его с вещами. Вернувшийся

в полночь офицер, внезапно решил «поучить» своего денщика и, обвинив, что тот вовремя не зажгёт ему свет, начал избивать Михайло. Вырвавшись от своего истязателя, юноша на следующий день стал просить отдать ему паспорт и выразил желание вернуться «обратно в Россию». Но вместо этого подвергся новому избиению. Тогда, спасаясь от самодура, М. Найдовский решил самостоятельно добраться до своей малой родины и покинул Владикавказ.

Но далеко уйти ему не удалось. На своём пути он повстречал двух горцев, у которых попытался узнать дорогу, но вместо ответа они, «оборотясь ко мне, ничего не говоря, схватили меня, связали мне руки назад и посадили на лошадь и привезли меня в горы ...» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2216. Л. 16]. В течение десяти (по другим сведениям – двенадцати) лет он выполнял разного рода хозяйственные работы у своего владельца, но потом один из беглых солдат, с которым он познакомился в неволе, уговорил его бежать от хозяина. Обращает на себя внимание тот факт, что М. Найдовский не раскрыл имени и фамилии своего помощника, сославшись на то, что они ему неизвестны. Вряд ли человек, который вывел его «из аула в Чечню», был для него инкогнито. Скорее всего, беглец не желал раскрывать их властям, т.к. знал, как сурово в России относятся к дезертирам.

Хотя поляк и продолжал жить среди горцев, но, видимо, теперь он обладал определённой свободой. По крайней мере, он мог переходить из одного селения в другое, хотя, возможно, это объяснялось сменой хозяев, которые передавали его из рук в руки. В равнинной Чечне Михайло пробыл восемь лет и здесь, в селении Овтуры (Автуры), познакомился с другим польским пленником Якубом (Яковом) Валькевичем. Вместе они решили бежать и в 1850 году пробрались в укрепление Умахан-Юртовское.

Здесь горский пленник рассказал об обстоятельствах своего нахождения в неволе и среди прочего сообщил важную для русских властей информацию о тех настроениях, которые царили среди враждебных империи племён.

Судя по физическому состоянию М. Найдовского, жизнь среди горцев у него была трудной. Врач, проводивший его медицинское освидетельствование, констатировал, что «за коростами по всему телу, на крестце и на ногах, и за переломом правой ноги» он «никуда не способен». В Польше его никто не ждал, на Кавказе он так же оказался никому не нужен. Решение властей было суровым: «Бродягу Михайло Найдовского сослать установленным порядком в Сибирь на поселение...» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2216. Л. 21]. И таких людей с исковерканной судьбой, которые оказались не нужны прежней родине и не сумели пустить корни на новом месте, было немало.

Точное число пленников-поляков в горах вряд ли удастся когда-нибудь установить. Достаточно уверенно можно сказать, что их пребывание здесь было не единственным случаем.

По воспоминаниям русского разведчика Фёдора Фёдоровича Торнау, оказавшегося в плену у черкесов, он узнал, что на Черноморском побережье Кавказа в 30-х годы XIX века «проживает много беглых поляков, которых число увеличилось до того, что хозяева их, продавая, не ценят более, как в одну лошадь, а иногда за доброго коня не отказываются заплатить двумя поляками. Продают поляков и в Турцию, где султан их набирает для полевых работ» [Торнау 1999, 479].

Ему вторит и британский агент Джон Лонгворт, примерно в это же время находившийся в крае. Он сетовал на то, что у черкесов в плену большое количество поляков, из которых можно было бы собрать отряд и использовать его в войне против русских. Но горцы относились к ним как к товару и не собирались бесплатно отпускать на волю. Англичанин оценивал выкуп одного польского невольника в 400 пиастров или в 4 фунта, но признавал, что даже если и удастся их освободить и вооружить, эти действия «в данных обстоятельствах, скорее всего, привели бы их в столкновение с жителями дикой и гористой страны, столь существенно отличающимися от них» [Лонгворт 2002, 291].

Горцы не делали разницы между поляками и русскими. Им было трудно отличить одного от другого, хотя многие невольники, «чтобы получить лучшее обращение, при сдаче в плен называют себя поляками». Но это, как правило, мало влияло на их судьбу, т.к. «последующее обращение, с каковым они встречаются, какие бы распоряжения на этот счёт ни были сделаны, зависят от их личного поведения и способностей и от настроения их господина. Это правда, что поляков продают туркам так же, как и русских, и один польский офицер, работавший в Ангоре, сказал мне, что он нашёл по меньшей мере 800 своих соотечественников, пребывающих в рабстве в одном только этом пашалыке» [Лонгворт 2002, 172].

Сохранились сведения о некоем Степане Лебковиче, который, бежав из Нарвского драгунского полка, укрылся среди горцев, возможно, рассчитывая, что они увидят в нём своего боевого товарища. Но надежды на такой исход не оправдались. Польского беглеца в итоге выдали русским, обменяв на своего соплеменника [ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 278. Л. 1–1 об.]. Судя по тому, что С. Лебкович выразил желание записаться в казаки, его симпатии к закубанцам явно поубавились [ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 278. Л. 9]. Но и у российского

командования доверия к нему не было. Дезертира подозревали в желании совершить вторичный побег и предпочли отправить в Варшаву.

Аналогичным образом поступили и с Иосифом Мушкаром, который совершил «побег в числе 13 человек ему подобных к закубанским народам, от коих выдан на вымен пленного азиатца» [ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 117. Л. 1]. Учитывая, что он являлся не российским, а австрийским подданным и не давал воинской присяги, кавказская администрация, выдав И. Мушкару необходимые в дороге вещи, отправила его по месту жительства.

Как видно из вышеприведённого материала, при всей разнице судеб пленных поляков, их жизненные коллизии имели много общего. Как правило, они появлялись на Северном Кавказе не по своей воле. Некоторые из них испытывали иллюзии в отношении местных племён, которые вели борьбу против России. В них они видели естественных союзников, а потому побег в горы рассматривался как шаг к обретению свободы. Но реалии оказывались далеки от подобных надежд. Для горцев они были всего лишь товаром, а потому таким беглецам пришлось познать все ужасы рабской доли. Лишь немногие из них смогли вырваться на свободу и найти защиту в русских укреплениях. К сожалению, выяснить точное число поляков, пребывавших в горской неволе, не представляется возможным. Обобщающие сводные ведомости, в которых бы отразилась такая статистика, не велись, а выявленные в архивах данные носят отрывочный характер и не могут отразить весь масштаб изучаемого явления.

В сложившихся условиях у поляков менялось восприятие «своего» и «чужого». До этого русские выступали для многих из них в качестве противника, но в новой ситуации они меняли своё мировоззрение, понимая, что по своей культуре и менталитету те гораздо ближе к ним, нежели представители горского мира. Об этом говорит сам факт побега на подконтрольную царской администрации территорию и желание некоторых поляков связать свою дальнейшую судьбу с Кавказом, ставшим для них новой «малой Родиной».

Библиография

- Barrett Tomas. 2000. *Linii neopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii*. V: «Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period: Antologiya. Sost. Devid-Foks M. Samara: Izd-vo «Samsarskij universitet»: 163–194 [Барретт Томас. *Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России*. В: «Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Сост. Дэвид-Фокс М. Самара: Изд-во «Самарский университет»: 163–194].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 63. Kavkazskoe oblastnoe pravlenie 1822–1847 gg. g. Georgievsk, s 1824 g. – g. Stavropol' [ГАСК. Государственный архив

- Ставропольского края. Ф. 63. Кавказское областное правление 1822–1847 гг. г. Георгиевск, с 1824 г. – г. Ставрополь].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 68. Stavropol'skoe gubernskoe pravlenie 1847–1920 gg. – g. Stavropol' [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Ставропольское губернское правление 1847–1920 гг. – г. Ставрополь].
- Kalinowski Karol. 1883. *Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila, od roku 1844 do 1854*. Warszawa.
- Karpov Yuriy Yur'evich. 1996. *Dzhigit i volk: Muzhskie soyuzy v sociokul'turnoj tradicii gorcev Kavkaza*. Sankt-Peterburg: Nauka [Карпов Юрий Юрьевич. 1996. *Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа*. Санкт-Петербург: «Наука»].
- Klychnikov Yuriy Yur'evich, Cybul'nikova Anastasiya Aleksandrovna. 2011. *«Tak bujnyuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki)*. Red. i predisl. Vinogradov V. Ryatigorsk: RIA KMV [Клычников Юрий Юрьевич, Цыбулькинова Анастасия Александровна. 2011. *«Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки)*. Ред. и предисл. Виноградов В. Пятигорск: РИА КМВ].
- Longvort Dzhon. 2002. *God sredi cherkesov*. Per. s anglijskogo Vyacheslava Muhamedovicha Atalikova. Nal'chik: Izdatel'skij centr «Ei'-Fa» [Лонгворт Джон. 2002. *Год среди черкесов*. Пер. с английского Вячеслава Мухамедовича Аталикова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа»].
- Tornau Fyodor Fyodorovich. 1999. *Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona Fyodora Fyodorovicha Tornau*. Nal'chik: Izdatel'skij centr «Ei'-Fa» [Торнау Фёдор Фёдорович. 1999. *Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Фёдора Фёдоровича Торнау*. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа»].
- Van-Galen Huan. 2002. *Dva goda v Rossii. V: Kavkazskaya vojna: istoki i nachalo. 1770–1820 gody*. Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka». Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda» [Ван-Гален Хуан. 2002. *Два года в России. В: Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы*. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда»: 349–455].

Summary

Polish captives of the North Caucasian highlanders in the first half of the XIX century

The work reveals the circumstances of the appearance of the Poles in the North Caucasus and their stay in the captivity of the highlanders. The reasons for this phenomenon and the attitude of the Russian administration to the practice of the slave trade are shown. The article describes the fate of those people who were able to free themselves and find salvation in the Russian fortifications. It is suggested that, having experienced slavery, the former slaves changed their appraisal of the Russian state which, in this situation, was their protector and liberator. In the research, for the first time, the material identified in the State Archives of the Stavropol Region of the Russian Federation is introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian Empire, poles, captives, highlanders, Caucasus